

Пройденный путь по свершению ТК свидетельствует о том, что Беларусь имеет достаточный опыт и интеллектуальный потенциал для подготовки второго в ее истории Трудового кодекса.

Последнее необходимо для учета новых политических, экономических, социальных и иных реалий – «вызовов» современности. Подробнее об этих «вызовах» и потребности отвечать на них будет сказано в последующих публикациях по избранной тематике.

Дата поступления в редакцию: 06.12.2011

УДК 343.985.3

**А.Н. Порубов**, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Российского государственного социального университета

### ИСТОРИЯ БОРЬБЫ С ЛОЖЬЮ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

*Рассматривается история развития судопроизводства и проблема получения правдивых показаний в ходе следствия и на суде. Автор в научно-популярной форме обращается к развитию юридических дисциплин – уголовного процесса, криминалистики, психологии – от Средневековья до настоящего времени.*

*Особенностью подхода автора является проделанный им исторический анализ борьбы с ложью, начиная с древности, когда еще только зарождался процесс судопроизводства, и до наших дней. Работа носит острый полемический характер.*

*The article is dedicated to the history of the evolution of the court trial and shows the problem of getting true evidence during the investigation and trial. The author analyses the evolution of different applied sciences – Criminal Law, Criminalistics and Psychology from the medieval to the present time. The problem of the false (deceit) information in the process of trying criminal, administrative and civil cases is becoming more worrying every year.*

*The individuality of the author's approach consists in the historical analysis of the problem of combating deceit, beginning from the ancient times, when the court trials have just been appearing, till our days. The article has an actually polemical character.*

Все мы говорим неправду. Иногда мы говорим ее по ошибке, ведь человеку свойственно заблуждаться, иногда лжем специально, чтобы добиться выгоды или избежать конфликта.

У следователей есть пословица, что правды вообще нет: «Из десяти допрашиваемых девять соврут, а один напутает».

Кто нечестен в речи, тот нечестен во всем, говорится в старинных законах Ману.

Человеку свойственно заблуждаться. Но еще больше ему свойственно врать.

По статистике человек чаще всего лжет, когда совершает нечто нехорошее и не хочет общаться об этом окружающим. В быту ложь обычно не имеет настолько острых последствий, как в следствии или на суде, где за нее иногда предусмотрена даже уголовная ответственность.

В широком смысле слова ложь – информация, не соответствующая действительности. Искажать действительность можно либо ошибаясь, либо преднамеренно.

Представляется, что правда – основа нормальной жизни, сравнимая с добром, а ложь – всего лишь редкая его отрицательная противоположность, условно приравненная к злу. И как зло порождает зло, так и ложь, имея цепной характер, часто порождает другую ложь.

Если допустить, что на заре развития человеческого общества именно ложь была первым пороком, то, видимо, честность следует признать и первой добродетелью.

«Сила и обман – оружие зла», – подчеркивал Д. Алигьери.

Честность, безусловно, положительная черта. Но если и ее довести до предела, до абсолюта, знак плюс превратится в минус. Представьте, как неприятно общаться с человеком, который говорит вам и о вас все, что думает, честно, открыто и без цензуры.

Конечно, ко всякой лжи можно относиться бескомпромиссно. Но можно относиться и более терпимо, считая некоторые ее виды всего лишь вынужденным, временным, порой незначительным «искажением информации».

Люди лгут друг другу тогда, когда солгать – переступить внутренний моральный барьер – им легче, чем сказать правду.

Часто без явных видимых причин лгут дети, влекомые к фантазиям, сказочным мирам или чтобы посмотреть, что им за это будет, лгут лица с нарушенной психикой: они из-за своего положения не могут правильно оценивать обстановку или создают вымышленный мир для своего душевного комфорта.

Мы воспринимаем ложь как феномен, с которым невозможно бороться, и ее уже следует воспринимать как данность.

Следует заметить, что ложь в человеческом обществе имеет и полезную функцию. Она важна, так как несет функцию отрицательной обратной связи. Как дьявол помогает Богу, работая на него от противного, так и ложь помогает правде, работая на нее от противного по закону единства и борьбы противоположностей, представляя собой лазейку, альтернативу, возможность выбора и вариаций.

Трудно представить, каков был бы наш мир, если бы все всегда говорили только правду. Скорее всего, он был бы невыносим и омерзителен. Кроме того, как с помощью правды выявляется ложь, так и с помощью лжи мы отличаем и выявляем правду.

Ложь неизбежна и она полезна так же, как и правда.

В человеческом обществе ложь существовала всегда и будет существовать всегда, как и преступность, как и любой другой человеческий порок.

Если по теории Дарвина нас всех создал естественный отбор, а во главе естественного отбора стоит совершенствование в искусстве выживания, в самосохранении, т. е. эгоизм, эгоистичность индивида, то ложь и есть один из основных способов выживания, самосохранения индивида, следствие его врожденной эгоистичности.

Интересно, что в животном мире ложь отсутствует. Интеллект, развиваясь, рано или поздно изобретает ложь и все другие отрицательные черты и пороки, которые мы имеем в человеческом обществе. Не можешь победить, выиграть силой – возьми хитростью! Не можешь победить противника честно – победи лживо!

Психически здоровый человек, говоря неправду, всегда преследует этим какую-либо цель: показать себя в лучшем виде, чем это есть на самом деле; из корыстных побуждений; избежать возможного конфликта; облегчить свою или участь другого человека в будущем; ложь во благо; ложь во спасение – вот основные причины, которые объясняют природу лжи.

Ж.-Ж.Руссо говорил: «Лгать самому себе для своей выгоды – подделка, лгать для того, чтоб повредить, – клевета, это худший вред лжи».

Если с помощью лжи преследуется низменная цель, мы говорим о недопустимой лжи, если же гуманная – называем такую ложь допустимой.

Не всякая ложь плоха. Иногда она бывает меньшим злом, чем правда, и порой даже желательна, так как представляет собой допустимый в сложившейся ситуации компромисс. Причем как для человека, который лжет (например, жертва лжет, что она больна, чтобы избежать изнасилования), так и для человека, который получает ложную информацию (например, больной узнает от врача, что у него не столь тяжкая болезнь, как это на самом деле, и не теряет надежды на выздоровление).

На предварительном следствии и в судебном разбирательстве подозреваемый и обвиняемый не несут ответственности за дачу ложных показаний и, стремясь уменьшить свою вину, чтобы облегчить наказание, лгут.

Ложь наиболее опасна в юриспруденции. Юстиция и ложь – антиподы, понятия несовместимые, поэтому лжесвидетельство в судопроизводстве – уголовно наказуемое деяние.

Явная ложь сразу бросается в глаза, и ею трудно ввести в заблуждение. И тем сложнее отличить от правды, чем больше на правду она похожа, чем меньше в ней самой лжи. Полуправда, которая построена на реальных событиях, с незначительными искажениями, наиболее сложна для изобличения.

Этимологически ложь означает намеренное искажение истины, неправду.

Под ложью обычно понимают умышленную передачу сведений, не соответствующих действительности. Ложь всегда основана на вербальном или невербальном намеренно неистинном, лживом утверждении. Суть лжи всегда сводится к тому, что человек верит или думает одно, а в сообщении сознательно выражает другое. Цель лгущего – передать ложное сообщение. С помощью вербальных или невербальных средств коммуникации он хочет дезинформировать партнера, ввести его в заблуждение относительно истинного положения дел в обсуждаемой области с эгоистичной выгодой для себя или, гораздо реже, других.

Иногда ложь и неправду понимают как синонимы. Неправда, непреднамеренная ложь – это высказывание, основанное на заблуждении, неполном знании или шутливом намерении, а ложь – сознательное искажение известной субъекту истины, осуществляемое с целью введения в заблуждение собеседника.

Опытный человек, как и следователь, обязан уметь обнаруживать признаки лжи. Это его профессиональный долг. Выявление лжи – не только наука, но и искусство. А это искусство дается только практикой, как отмечает автор книги «Психология лжи» Поль Экман.

Мы склонны часто верить обману, даже зная, что он – ложь, ведь правда почти всегда банальна, неинтересна и горька. Зачем говорить правду, зачем повторять то, что уже есть, что уже создано природой, обстоятельствами в этом несовершенном мире? Зачем быть безмозглым попугаем? Кому нужна эта правда? Какой от нее толк? Никакого!

В интеллектуальном обществе в сфере общественных отношений правда становится нужна все меньше и со временем будет все более редким явлением. С развитием интеллекта, который изобрел ложь, лжи, как и интеллекта, будет все больше, и она будет все изощренней.

В самом деле: правда никому не нужна. Зачем нужна эта несовершенная, горькая и пустая правда, если достаточно ее чуть-чуть изменить, немного приврать, слегка исказить правдивую информацию, и она уже приносит куда как большую пользу!

Соври, что не изменял, – и спасешь отношения. Соври, что болен, – и тебе многое простят. Искажи отчет – и получишь премию и повышение. Завысь расходы – и получишь незаконную прибыль. Соври, что поступаешь из лучших побуждений, – и получишь популярность.

Просто соври! И делать ничего не надо! Ложная информация сама поработает за тебя. Какое искушение. Разве умный человек может не пользоваться таким простым приемом? Тем более когда правда может разрушить в один момент все, до основания.

Скажи правду, всего одно честное слово и, порой, перечеркнешь всю жизнь, лишишься свободы, любви, репутации, власти и даже жизни иногда...

Лгать можно по-разному: от утаивания информации, маскировки и фальсификации информации и (или) ее носителей до утаивания в форме умолчания, недонесения, отказа от ответа. Это пассивные способы сокрытия преступления. Активное противодействие – фальсификация, создание ложной информации и (или) ее носителей. Заведомо ложное показание, ложное сообщение, заявление и донос – это способы сокрытия информации путем фальсификации.

В повседневной жизни люди чаще прибегают к умолчанию: оно более безобидно по отношению к адресату, так как информатор пассивен и не предпринимает никаких действий, оно менее предосудительно и его легче оправдать в случае раскрытия правды.

Сокрытие (утаивание) может перерасти в искажение (ложь). Это наблюдается, например, на допросе свидетелей и потерпевших, которые не могут не говорить, так как обязаны дать полную и правдивую информацию по делу об известных им фактах, обязаны реагировать на заданный вопрос следователя. Единственная и наиболее выигрышная возможность в этой негативной позиции – уйти от ответа, сославшись на плохую память. Мы ведь не обязаны помнить все и с точностью до запятой. Если правда впоследствии и откроется, солгавший всегда может заявить, что не собирался никого обманывать и что его подвела память.

Однако забывчивостью можно прикрыться только в незначительных событиях, которые произошли достаточно давно. Экстраординарные события, к числу которых относятся и преступления, люди обычно помнят всю жизнь.

Древние говорили: «Женщина лжет когда хочет, а мужчина перед выборами, во время войны и после охоты».

Проблема психологии лжи наиболее разработана представителями психологической науки. Здесь в первую очередь представляет интерес книга французского психолога К. Мелитана «Психология лжи», изданная в переводе с французского (М., 1903), монография В.Л. Артемова «Анатомия лжи» (М., 1973) и появившееся на книжных прилавках исследование профессора Калифорнийского университета П. Экмана «Психология лжи» (СПб., 2011).

Представляя научно-популярную книгу П. Экмана, специалист в области социальной психологии А.Л. Свенцицкий пишет, что в ней впервые на строгой научной основе рассматривается поведение человека в ситуациях, когда он стремится обмануть другого человека, и что подобные работы до сих пор не издавались в нашей стране.

Анализ института свидетельствования позволяет сделать вывод, что история борьбы с ложью прошла три этапа, соответствующих историческим типам права.

Первый этап – зарождение свидетельствования как способа установления истины в споре – характеризуется отсутствием упоминания о тактике и порядке его проведения.

В доклассовом обществе при разрешении конфликтов внутри родовой группы не существовало какой-либо процессуальной процедуры. Но и тогда при решении спора выслушивались показания сторон.

В дошедших до нас законах царя Вавилона Хаммурапи (XVIII в. до н. э.) упоминается об ответственности свидетеля, дающего ложные показания: «Если человек, – отмечается в § 3, – выступит в судебном деле для свидетельствования о преступлении и не докажет сказанных им слов, то, если это судебное дело о жизни, этого человека должно убить». Наказывается также (согласно § 4) свидетель, давший ложные показания «в судебном деле о хлебе или сеянии».

В источниках древности имеются указания на то, кто мог быть свидетелем и чьи показания заслуживали доверия. Так, в сборнике Ману, относящемся к V в. до н. э., определяется достаточное число свидетелей, подробно излагаются причины, по которым определенные лица не могут допускаться к свидетельству: «Если человек был вызван в суд истцом по делу о собственности, но на предложенный вопрос не отвечает, то брамин, представляющий короля, должен решить дело по выслушиванию, по крайней мере, трех свидетелей».

Ману говорит: «Нужно выбирать свидетелей из людей, достойных доверия, знающих свои обязанности, не корыстолюбивых, а других не допускать. Главы семейства, люди, имеющие детей мужского пола, жители той же местности, принадлежат ли они к классу воинов, купцов или рабов, могут быть допускаемы к свидетельству, а не первые попавшиеся, за исключением случаев необходимости». Список лиц, неспособных к свидетельству, довольно велик. Не допускаются к свидетельству: находящиеся под влиянием денежного интереса, друзья, слуги, враги, люди заведомо недобросовестные, больные люди, способные на преступление. Нельзя позвать в суд свидетелем ни короля, ни рабочего низшего класса, ни ученика, ни аскета, отрешенного от всех мирских отношений, ни человека в скорби, ни пьяного, ни сумасшедшего, ни человека в гневе, ни вора, ни голодного, ни жаждущего, ни влюбленного, ни старика, ни ребенка, ни занимающегося запрещенным делом, ни человека, имеющего жестокое ремесло, ни человека, вполне независимого.

В индийском комментарии к законам Ману обращается внимание судьи на необходимость подмечать такие признаки поведения свидетеля, по которым можно сделать вывод о лжесвидательстве: «Те, которые переступают с одного места на другое, облизывают языком углы рта, лицо которых покрывается потом и меняется в цвете, которые отвечают медленно голосом дрожащим и обрывающимся, шевелят губами и не отвечают ни голосом, ни взглядом и которые непроизвольно проявляют подобные изменения в деятельности духа, тела и голоса, те подозреваются в лживости жалобы или свидетельства».

В другом источнике этой эпохи – Наряды – лживыми свидетелями признаются те, кто, угнетенный сознанием своей виновности, смотрит как бы больным, постоянно переходит с места на место и бежит за каждым; кто кашляет без всякой причины, вздыхает, двигает ногами, как будто ими пишет, машет руками; кто меняется в лице, чье лицо потеет, а губы сохнут; кто смотрит вверх и по сторонам, кто много болтает без удержу, как человек в спехе, отвечает без спросу.

В римском классическом праве еще не содержится упоминаний о допросе подозреваемого или обвиняемого; только к концу императорского периода, когда пытка стала применяться как средство получения показаний, допрос подсудимого получает свою регламентацию.

Второй этап развития института свидетельствования характеризуется уже определенным порядком его проведения. Доказательством по делу в соответствии с законом выступали показания свидетелей, сознание обвиняемого и присяга, а средством получения показаний – пытка. Когда преступный человек считался недочеловеком, а посему мог быть подвергнут физическому болевому испытанию и наказанию. Кроме того, пытка являлась и хорошей острасткой для невиновных.

Иногда пыткам подвергали даже тех, кто давал показания. Так как считалось, что только под пыткой подозреваемый наверняка скажет правду.

В более позднем периоде практиковались физические испытания. Подозреваемым давалось яйцо птицы с нежной скорлупой, виновным считался тот, у кого яйцо окажется раздавленным в руке. Испытуемым давали в рот пригоршню риса и просили выплюнуть. Человек, волнующийся, а потому виновный, имел сухой рот и выплевывал наибольшее количество риса. Распространенным ритуалом было и испытание водой: подозреваемых окунали в воду и держали около минуты. Если испытуемый начинал задыхаться, кашлять, он считался невиновным, а если странным образом всплывал или выдерживал все это время под водой без проблем, его казнили.

Со времен Цицерона стороны в речах уже стали исследовать доказательства. Показания свидетелей записывались в протокол. Число свидетелей по делу не могло быть меньше двух.

Свидетелями могли быть только свободные люди. К свидетельству не допускались несовершеннолетние и близкие родственники обвиняемого. Показания рабов принимались во внимание, если они были даны под пыткой.

Аристотель, Лисий, Демосфен и другие античные авторы утверждали: пытка, применяемая к рабам, являлась верным и надежным средством установления истины, получения убедительных доказательств. Показания, данные под пыткой, протоколировались и приобщались к делу. За увечье, причиненное рабу в процессе пытки, вознаграждение выплачивалось его хозяину за счет того, кто проиграл процесс.

При Юлии Цезаре пытка стала применяться и к свободным гражданам, совершившим государственные преступления. Постепенно состязательный процесс был вытеснен инквизиционной формой суда, в которой пытка стала основным средством получения показаний от обвиняемых и свидетелей.

В каноническом инквизиционном процессе подсудимый из стороны превращается в объект исследования, от которого при известном воздействии можно было получить все требуемые сведения. Усилия допрашивающих направлялись на получение во что бы то ни стало от обвиняемого признания, которое считалось вернейшим доказательством и исключало дальнейшее представление доказательств.

Понятно, что поиску истины это никак не способствовало, а лишь упрощало судебную волокиту.

Позже уже появляется особое искусство допроса, основанное на житейской психологии, мудрости, сметке, опыте. Определенным выражениям лица, жестам и другим внешним выражениям чувств, описание которых обстоятельно вносилось в протокол допроса, придавалось доказательственное значение.

Впоследствии вырабатывается целая система допроса, заключающаяся в предложении неясных, двусмысленных вопросов, а также вопросов, значение которых от подсудимого скрывается, на которые подсудимый должен ответить простым отрицанием или утверждением и из содержания которых выводится нужный ответ.

Редко, конечно, удавалось подсудимому избежать в ответах на многочисленные вопросы противоречия, которое ставилось ему в вину и вместе с описанием его внутреннего состояния служило поводом к пытке.

В XI-XII вв. уголовный процесс становится обвинительным, в котором исключительное значение отводится сторонам, выступающим перед судом устно, в строгих формах, установленных феодальным обычаем.

Стороны ведут процесс, представляют доказательства, решение суда выносится на основании сказанных сторонами слов во время разбирательства дела. Признание вины обвиняемым считается лучшим доказательством. Свидетели, которых требовалось не менее двух, подразделялись на тех, кто видел (очевидцы) и слышал от других, и на тех, кто высказывает лишь свое мнение.

Свидетельским показаниям придавалось большое значение. Пытка применялась в отношении явно заподозренных лиц либо в отношении тех, о ком была общая плохая молва. Она была основным средством получения от обвиняемого показаний. Так, во французском Ордонансе 1498 г. пытка признается столь же естественным способом получения доказательства, как и допрос свидетелей, очные ставки.

Статья 113 Ордонанса описывает ее процедуру: пытка производилась в присутствии секретаря, который должен записать в протокол имена присутствующих сержантов и других лиц, форму и порядок применения пытки, количество воды, данной обвиняемому, возобновление пытки, если таковая имела место, вопросы, задаваемые обвиняемому, и его ответы с обязательным указанием на их постоянство или на вносимые изменения. Повторное применение пытки без открытия новых улик не допускалось. На следующий день после пытки обвиняемый снова допрашивался для проверки показаний, данных под пыткой.

Большой уголовный ордонанс Людовика XIV (1670 г.) к свидетельству не допускал детей до 14 лет, безумных, глухонемых и «бесчестных» людей. Не могли быть полноценными свидетелями женщины, слуги, ближайшие родственники и соучастники. Свидетельство со слов других лиц не допускалось. Изменение показаний в суде рассматривалось как лжесвидетельство и влекло наказание.

Уголовно-судебное уложение Карла V Священной Римской империи середины XVI в. («Каролина») уже содержит отдельные рекомендации по тактике допроса обвиняемого. Судье ре-

комендовалось прибегать к неясным или даже «ловушечным» вопросам. Для изобличения обвиняемого могли проводиться очные ставки со свидетелями, предъявляться предметы, играющие роль вещественных доказательств, к обвиняемому могли применяться и религиозные увещевания, разрешалась угроза применения пытки. К числу совершенных доказательств виновности относились сознание обвиняемого, согласные во всех подробностях показания двух достойных веры свидетелей. «Для того, чтобы улики были признаны достаточными для применения допроса под пыткой, они должны быть доказаны двумя добрыми свидетелями... Но если главное событие преступления доказано одним добрым свидетелем, то сие в качестве полудоказательства образует улику...».

На смену обвинительному процессу, характерному для феодального строя, приходит разыскной порядок уголовного процесса. Отменяется пытка как средство получения доказательств: в Пруссии – в 1756 г., в Австрии – в 1776 г., в Баварии – в 1806 г.

Но ряд германских кодексов ввел меры принуждения, направленные на получение показаний от обвиняемого, – телесные наказания, ограничение в пище, например содержание обвиняемого на хлебе и воде, если обвиняемый ведет себя «оскорбительным образом», упорствует во лжи и не дает правдивых показаний. Сознание обвиняемого в системе легальных доказательств теряет свое былое значение основного доказательства.

В истории свидетельствования начинается третий этап.

В Киевской Руси конфликты разрешались судебным поединком («поле») и с помощью ордалий, т. е. испытаний допрашиваемых с помощью железа или воды. Свидетельские показания, называемые в Древней Руси сказкой, были основным источником доказательств. Русская правда делит свидетелей на послухов и видоков. Видок – очевидец совершившегося факта, послух – человек, свидетельствующий по слуху.

Видоками могли быть только «свободные мужи», и лишь в случае крайней нужды закон позволял сослаться на боярского тиуна, а в небольшом процессе – также на закупа. «Тяже все судят послухи свободными», – говорит Русская правда. По инициативе холопа мог быть начат процесс. Вынести же приговор, основываясь только на показаниях холопа, было нельзя.

Царский судебник 1550 г. положил конец послушеству, потребовав от свидетелей «не виде не послушествовать, а видевши сказать правду». Стало придаваться большое значение «повальному обыску», представлявшему собой допрос большой группы соседей, знавших обвиняемого и могущих охарактеризовать его личность. В отношении обвиняемых применялся распрос, а для получения сознания в преступлении – пытка, очная ставка.

Эти средства получения сознания от обвиняемого известны и Соборному уложению 1649 г. Наиболее полные правила разыскного процесса содержатся в петровском Кратком изображении процессов, изданном в качестве приложения к Воинскому уставу в 1716 г. Здесь все доказательства делятся на совершенные и несовершенные.

Совершенным доказательством считается собственное признание обвиняемого: «Когда кто признает, чем он виновен есть, тогда дальнего доказу не требует, понеже собственное признание есть лучшее свидетельство всего света». Показания обвиняемого должны быть полными и даны добровольно.

Краткое изображение процессов содержит специальную главу, посвященную расспросу с пристрастием и пытке: «...сей расспрос такой есть, когда судья того, на которого есть подозрение и оный добровольно повиниться не хочет, пред пыткой спрашивает, испытую от него правды и признания в деле». Пытка применялась в зависимости от тяжести совершенного преступления – «в вящих и тяжких делах пытка жесточе, нежели в малых бывает» и от личности обвиняемого – «усмотря твердых, бесстыдных и худых людей жесточе, тех же, кои деликатного тела и честные суть люди, легче».

От применения пытки освобождались «шляхта, служители высоких чинов, старые семидесяти лет, недоросли и беременные жены. Все сии никогда к пытке подвержены не бывают, разве в государственных делах и в убийствах, однако ж, с подлинными о том доводами».

Пытка могла быть применена и к свидетелю, если «в сказке своей оробеет или смутится или в лице изменится». К числу несовершенных доказательств законодатель относит свидетельские показания, данные «негодными» и «презираемыми» людьми, делит их на лучшие и худшие: «свидетель мужеска полу паче женска и знатный паче худого, ученый неученого и духовный светского человека почтен бывает».

Краткое изображение процессов определяет минимальное число свидетелей, необходимых для установления доказанности факта, вводит правило о допросе свидетелей поодиночке, о

возможности отвода свидетелей на очной ставке до дачи ими показаний и о запрещении давать показания по слухам.

Тактика допроса обвиняемых и свидетелей уже в более или менее систематизированном виде изложена современником Петра I И.Т. Посошковым в «Книге о скудости и богатстве».

Пытка как средство получения показаний от обвиняемых в самых различных ее способах и самых жестоких формах применялась в середине XVIII в., при царствовании Екатерины II. В 1762 г. Тайная розыскных дел канцелярия представила Екатерине II справку «Обряд како обвиняемый пытается». В ней описывается техника пытки и процессуальный порядок ее проведения.

Пытка была отменена лишь при Александре I в 1801 г., но она существовала местами почти до введения судебных уставов.

В течение долгих столетий верили показаниям, даваемым под пыткой, не желая понимать того, что невыносимая боль вынуждала человека к показаниям, угодным суду.

В дореформенном русском уголовном процессе сознание подсудимого по-прежнему считалось лучшим доказательством, и при наличии его суд не должен был соотноситься с другими доказательствами. В случае явного запирательства предписывалось призывать для увещания священника.

Свидетельские показания могли быть совершенным, полным и несовершенным доказательством. Свидетельство двух посторонних свидетелей, не отведенных подсудимым и совершенно согласных в своих показаниях, составляет совершенное доказательство, если против оно не будет представлено подсудимым достаточных опровержений.

Свидетельское показание тогда только может быть рассматриваемо как полное доказательство, когда:

оно, под присягою, дано пред надлежащим судебным учреждением или же пред полицией, на точном основании закона;

когда оно отчетливо и точно, основано на личном восприятии и не состоит с самим собою в противоречии;

когда по личным свойствам и обстоятельствам свидетеля нет причины для опасения, что свидетель не может или не желает показывать правдиво.

Свидетельские показания, данные «негодными» или «подозрительными» свидетелями, признавались несовершенным доказательством. Негодными свидетелями признавались:

лица, ко времени совершения судимого преступления или же ко времени свидетельствования находившиеся в состоянии, в котором они не могли пользоваться рассудком или необходимым для наблюдения органом;

те, кои за дачу показания, благоприятного или неблагоприятного для подсудимого, что-либо получили или приняли какое-либо обещание, если при этом не поставлено вне сомнения, что данное или обещанное не есть простое вознаграждение свидетеля за понесенные издержки. В последнем случае показание свидетеля должно быть рассматриваемо как подозрительное.

Подозрительными свидетелями считались:

те, коим ко времени, когда они были свидетелями чего-либо, не минуло еще 16 лет;

те, кои страдают слабостью органа, необходимого для наблюдения, и те, о которых имеются доказательства, что их память слаба;

присужденные к заключению в цухтгаузе, рабочем доме или крепости или к лишению прав гражданских или служебных, или же осужденные за лжесвидетельство;

находящиеся с подсудимым в родстве, указанном в законе.

Судебная реформа 1864 г., выразившаяся в принятии четырех уставов, в том числе и Устава уголовного судопроизводства, отменила теорию формальных доказательств. И на первых порах наука уголовного процесса и криминалистика относились к свидетельским показаниям с должным доверием и этим показаниям в доказательственном праве придавалось большое значение. Но в конце XIX в. доверие к свидетельским показаниям было поколеблено наблюдениями и опытами представителей экспериментальной психологии. Появились теории, отрицающие доказательственное значение свидетельских показаний. Прежде всего, в уголовном процессе были предприняты попытки уменьшить значение свидетельских показаний, подменить их «немыми свидетелями» (вещественными доказательствами), а свидетельские показания – «научными» заключениями экспертов.

Вопрос о значении свидетельских показаний и возможности их использования был объектом продолжительного спора. Появилось самостоятельное направление в психологии – психо-

логия свидетельских показаний. В самом деле, ведь лгут все, и особенно часто – в критических условиях.

Психологи и криминалисты иногда указывают на невозможность использования свидетельских показаний в праве, раз верное показание является исключением, а ошибочное и ложное – правилом.

К числу интересных, но требующих исследований выводов относятся и утверждения Г. Гросса о том, что дети в возрасте 7–9 лет – самые лучшие свидетели, так как лишены человеческих страстей, приводящих ко лжи; и положение о меньшей достоверности показаний женщины, чем мужчины; предложение о необходимости проведения психологической экспертизы для установления степени достоверности свидетельских показаний и возможности их допуска в качестве судебных доказательств.

В доказательственном праве русские юристы отводили большую роль свидетельским показаниям.

Критикуя теорию несостоятельности свидетельских показаний, А.Ф. Кони подчеркивал, что они являются одним из лучших и наиболее веских доказательств.

Оценивая опыты, проводимые с целью подорвать доверие к свидетельским показаниям, И.Н. Якимов, один из первых профессоров криминалистики, писал еще в 1923 г.: «Ложь сознательная и бессознательная всегда была и будет в свидетельских показаниях, и вопрос сводится не к тому, чего в них больше – правды или лжи. На этот вопрос можно с уверенностью ответить, что как в жизни, так и в уголовных делах в свидетельских показаниях всегда больше правды, чем лжи. Судебные ошибки, основанные на ложных свидетельских показаниях, к счастью для человечества, все-таки не правило, а исключение, и общественная жизнь была бы совершенно невозможна, если бы неправда в словах и поступках людей преобладала над правдой».

Стоит иронично заметить, что если в показаниях в целом все же больше правды, то, к сожалению, ложь присутствует обычно в самых важных, ключевых моментах, ведь нет никакого резона лгать о том, что не имеет ни значения, ни последствий.

Со временем в общественных и личных отношениях мы будем встречать ложь все чаще. Мы бы написали «почти всегда», но так хочется дать человечеству и правде надежду в будущем. Несмотря на развитие лжи, все-таки хочется верить, что правды будет не меньше, хочется верить людям, надеяться на честность и порядочность друг друга.

Дата поступления в редакцию: 25.04.2012

УДК 351

*Ю.Л. Сиваков, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры административного права и управления ОВД Академии МВД Республики Беларусь*

## **О НЕКОТОРЫХ ЭЛЕМЕНТАХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

*На основе анализа теории и практики интеллектуальных технологий управленческой деятельности в области социального управления, с учетом возникающих проблем в организации и обеспечении деятельности правоохранительных органов акцентируется внимание на ключевых элементах стратегического лидерства в современной системе управления органами внутренних дел.*

*The author emphasizes key elements of strategic leadership in the modern control system of internal affairs agencies on the basis of theory and practice analysis of management activity's intellectual technologies in the field of social administration taking into consideration emerging problems in the process of organization of law enforcement agencies activity.*

Наверное, никто не станет оспаривать, что МВД – это тот институт социального контроля, та государственная организация, которая по своей миссии (предназначению) призвана быть высокоэффективной организацией, пользующейся доверием граждан, уважением общества и авторитетом у высших должностных лиц государства.

Следуя тому, что любая организация имеет три блока составляющих: инфраструктуру, персонал и технологии, та организация, которая претендует на статус высокоэффективной, долж-